

УДК 159.942

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>

Поступила: 12.09.2022

Принята: 10.01.2023

Опубликована: 10.04.2023

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Чулошников Алексей Игоревич

Краевой психотерапевтический центр (Пермь),

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье обсуждается возможность рассмотрения феномена психологического насилия в рамках понятийного аппарата теории деятельности, а также активности субъекта насилия как деятельности, протекающей по ее закономерностям и имеющей соответствующую структуру. Автор представляет анализ существующих определений насилия и, в частности, феномен психологического насилия, соотнося его характерные признаки с ключевыми атрибутами деятельности. Насилие определяется как целенаправленная активность, имеющая целью снижение субъектных функций объекта насилия, осуществляемая против его воли, наносящая ему урон / ведущая к дезадаптации и характеризующаяся социальной несанкционированностью. Психологическое насилие конкретизируется как систематическое воздействие преимущественно информационными/психологическими методами на субъектные функции объекта насилия с целью их снижения. Активность субъекта насилия характеризуется наличием цели или предмета деятельности, систематичностью и не реактивностью агрессии. Атрибутами деятельности, в свою очередь, являются предметность, сознательность, проактивность и субъектность. На основании соотношения данных параметров делается вывод о возможности рассмотрения активности субъекта насилия как деятельности. Также автором представляется вариант анализа активности субъекта насилия в рамках структурных единиц деятельности (действие, операция). Он представляет собой перспективный фрейм для понимания генезиса, динамики мотивационной сферы субъекта насилия (на примере закономерности «сдвига мотива на цель»), а также дифференциации собственно насильственной деятельности субъекта (имеющей мотив десубъективации как основной или одним из основных) от насилия как действия подчиненного иным мотивам (например, социализации), требующим для своей реализации достижения частичной десубъективации объекта деятельности.

Ключевые слова: насилие, психологическое насилие, теория деятельности, абьюз.

Для цитирования:

Чулошников А.И. Психологическое насилие сквозь призму деятельностного подхода // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 84–97. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>

Received: 12.09.2022

Accepted: 10.01.2023

Published: 10.04.2023

PSYCHOLOGICAL ABUSE THROUGH THE PRISM OF THE ACTIVITY APPROACH

Alexey I. Chuloshnikov

Regional Psychotherapeutic Center (Perm),

Perm State University (Perm)

The article discusses a possibility of considering a phenomenon of psychological abuse applying the activity theory nomenclature as well as considering an abuse subject's activity as that based on the princi-

ples and having the structure described by the activity theory. The author analyzes existing definitions of abuse in general and psychological abuse in particular, compares their characteristics with the key attributes of activity as such. Abuse is defined as a purposeful activity aimed at lowering the subjective functions of the object of abuse that occurs against the object's will, generally causes him/her harm, leads to disadaptation, and is characterized as non-typical and socially unapproved. Psychological abuse is concretized as a systematic influence on the subjective functions of the object of abuse with the purpose of lowering these by using mainly information/psychological methods. A comparison of the characteristics of the abuse subject's activity, such as the presence of a conscious purpose and object of the activity, consistency of this activity and non-reactivity of the aggression, with the attributes of activity in the general sense, such as agency, consciousness, and proactivity, leads to a conclusion that the abuse subject's activity can be considered from the point of view of the activity theory. The article also presents an analysis of the abuse subject's activity through the structural units of activity (action, operation), thus providing a prospective frame for understanding the genesis as well as the dynamics of the abuse subject's motivational sphere, and for differentiation of a subject's abusive activity as such (with desubjectivation being the main or one of the main motives) from abuse as an activity guided by other motives (e.g., by socialization) that require partial desubjectivation of the object of abuse so as to be realized

Keywords: abuse, psychological abuse, activity theory.

To cite:

Chuloshnikov A.I. [Psychological abuse through the prism of the activity approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 84–97 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>

По мере постепенного развития психологической культуры в современном обществе дифференцируется и становится более выраженной потребность в повышении качества жизни: психологического здоровья, благополучия и психологической безопасности. Внимание исследователей, предметом изучения которых выступают данные феномены, фокусируется на более сложных факторах, способных фрустрировать, поставить под угрозу данные ценности.

Таковым, в частности, является феномен психологического насилия, который, в отличие от насилия физического, выступает, несомненно, более сложным, эфемерным для изучения и формализации. Сложна фиксация его конкретных актов и последствий для объекта насилия, скрытых для их непосредственного наблюдения. Для основательного изучения феномена психологического насилия требуется понять, что такое насилие? Что является ключевым для его определения? Чем насилие отличается от агрессии? Эти проблемы прямо или косвенно поднимаются в исследованиях психологического насилия как частного варианта проявления насилия [Фатина М.Л., 2017]. Тем не менее, на данный момент для ответа на эти вопросы не

обнаруживается единой методологически стройной базы.

В настоящий момент в рамках различных областей научного знания (психологии, юриспруденции, медицины, педагогики и др.), изучающих феномен психологического насилия, был накоплен внушительный фактологический материал [Таусинова О.К., 2017; Волкова Е.Н., Исаева О.М., 2013]. Предметом исследований становятся следующие аспекты психологического насилия: конкретные способы осуществления насилия [Бадалова М.В., Бабенко М.А., 2017; Чермашенцева Т.Д. и др., 2014; Хаидов С.К., 2020; Rodríguez-Carballeira A. et al., 2015; Langone M.D., 1992] и его последствия [Агеев Н.В., Усова В.В., 2019; Аптикиева Л.Р., 2020; Боженкова К.А. и др., 2018; Даренских С.С., Трунова А.А., 2020; Игнатов А.Н., 2016; Психологическое насилие..., 2003; Kimber M. et al., 2017]; описание характеристик субъекта и объекта насилия [Грязнов А.Н., Фатина М.Л., 2018; Худик В.А., Шигашов Д.Ю., 2013]; описание факторов, влияющих на различные аспекты насилия [Кондакова И.В., 2012], методы диагностики [Нуцкова Е.В., 2018; Райкова К.А. и др., 2016; Волкова Е.Н., 2016; Saldaña O. et al., 2017]. Существует ряд

теоретико-методологических исследований, предметом которых становится уточнение определения, поиск критериев [Бири П., 2018; Круковский В.Е., Мосечкин И.Н., 2017; Насилие и жестокое обращение с детьми..., 2011; Чеверикина Е.А., Фатина М.Л., 2017], разделяющих насилие и феномены, близкие к нему [Волков Е.Н., 2002; Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П., 2008; Тхостов А.Ш., 2010]. Тем не менее, можно все же отметить некоторую мозаичность, раздробленность, отсутствие структуры в несомненно значимом массиве фактов и обобщений.

Таким образом, *проблема* исследования может быть сформулирована как дефицит актуальных концептуальных фреймов при структурировании сложного и неоднозначного феномена психологического насилия, а также высокого разнообразия авторских дефиниций, раскрывающих феномен ограниченно, фрагментарно, феноменологично.

Одним из таких вариантов может стать *теория деятельности* (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), описывающая сложную человеческую активность как некоторую систему, включающую в себя категории процессов, состояний, свойств и позволяющая операционализировать сложные виды человеческой активности, описать их структурно.

Гипотеза данной работы состоит в том, что психологическое насилие может быть рассмотрено как деятельность, обладать различными атрибутами, интерпретировано (описано и объяснено) в рамках данного подхода.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование возможности рассмотрения психологического насилия как деятельности субъекта, в том смысле, в котором оно рассматривается в теории деятельности. Цель достигается посредством реализации следующих задач: формулировка определения насилия и психологического насилия; соотнесение ключевых атрибутов деятельности с теми, что можно обнаружить в описаниях феномена психологического насилия; описание насилия в рамках структурных компонентов деятельности (деятельность – мотив, действие – цель, операция – задача) [Леонтьев А.Н., 1975].

Определение насилия

Прежде чем рассмотреть психологическое насилие через призму атрибутов деятельности, дадим определение более общему понятию *насилия*. Далее перейдем к рассмотрению более конкретного определения психологического насилия.

Исходя из проведенного анализа актуальной литературы по теме «насилие» и «психологическое насилие», можно сказать, что существует относительно большое количество авторских определений, выделяющих тот или иной аспект данного феномена.

Определения можно условно разделить на группы по следующим критериям:

а) *феноменологичность* — *объяснительность*, т.е. то, насколько определение позволяет отделить насилие и другие феномены, внешне на него похожие, например, акты агрессии, недружелюбия, грубости, а также то, насколько определение раскрывает сущность, функции насилия;

б) *субъективность* — *объективность* критериев насилия, т.е. то, на какие критерии делается упор в дифференциации феноменов. Например, идентификация насилия по субъективным характеристикам субъекта/объекта насилия, таким как отношение к происходящему, цели, мотивы, эмоциональные реакции, либо характеристики объективно фиксируемых актов (например, систематичность, результат и иные поведенческие характеристики);

в) *интенциональность* — *результативность*, или оценка насилия по факту наличия соответствующей направленности, методов воздействия либо же по факту соответствующего результата.

Каждый из критериев можно рассматривать как точки роста/проблемные зоны, обозначающие как возможные направления для теоретического осмысления, так и раскрывающие сложность феномена насилия. Они отражают невозможность его рассмотрения лишь в рамках конкретного эпизода, одного лица (субъекта или объекта насилия), вне рамок более широкого социального контекста.

Тем не менее, можно отметить основные идеи проанализированных нами определений. Их можно сгруппировать и представить в виде следующей таблицы (см. табл. 1) и выделить ключевые элементы.

Таблица 1. Ключевые элементы определений насилия и их примеры
Table 1. Key elements of definitions of violence and their examples

Ключевые элементы определений		Примеры определений	Авторы
«Целевой» — определяющие насилие через такую характеристику как его целенаправленность и конкретное содержание цели (со стороны субъекта насилия)	Формальное наличие цели, намерения	« преднамеренное манипулирование взрослыми ребенком как объектом» [Орлов А.Б., 2000, с. 183] «насилием является умышленное противоправное физическое воздействие на другое лицо, посягающее на его телесную неприкосновенность, здоровье или жизнь, ограничивающее или исключающее его свободу, а равно умышленное противоправное воздействие на психику другого лица с целью подавления его воли либо к принуждению к определенным действиям или бездействию, а также действия» [Безручко Е.В., 2014, с. 25]	[Бадалова М.В., Бабенко М.А., 2017; Безручко Е.В., 2014; Волков Е.Н., 2002; Волчок В.П., 2002; Ильин Е.П., 2013; Орлов А.Б., 2000; Фатина М.Л., 2017; Langone M.D., 1992]
	Содержание цели	« главная цель насилия — заставить человека что-то испытать (например, чувство унижения, страха) или совершить действие или поступок (или не дать это сделать) против его желания» [Ильин Е.П., 2013, с. 168] «насилие — это применение различных форм принуждения с целью приобретения и сохранения господства, завоевания привилегий » [Волчок В.П., 2002, с. 50] «Это внешнее, силовое воздействие на человека или группу с целью подчинить их воле, осуществляющего воздействия » [Гусейнов А.А., 2006]	
«Критериальный» — определения, описывающие насилие посредством актуальных или будущих последствий (со стороны объекта насилия)	Субъективный (отношение объекта насилия)	«воздействие без добровольного согласия в отношении индивидуума или группы» [Тхостов А.Ш., 2010, с. 56] «...применение силы для достижения чего-либо, принудительное воздействие на кого-либо, что-либо» [Круковский В.Е., Мосечкин И.Н., 2017, с. 91]	[Аптикаева Л.Р., 2020; Баева И.А., 2013; Волкова Е.Н., 2016; Ильин Е.П., 2013; Круковский В.Е., Мосечкин И.Н., 2017; Соколова Н.Н., 2013; Тхостов А.Ш., 2010; Фатина М.Л., 2017; Шарипов Р.Д., 2006]
	Объективный (по результату)	«это все формы физического и/или эмоционального жестокого обращения, сексуального насилия, пренебрежение или пренебрежительное отношение, коммерческая или иная эксплуатация, которая ведет к реальному или потенциальному урону здоровью ребенка, его жизни, развитию или достоинству в контексте отношений ответственности, доверия или силы» [Насилие и жестокое обращение с детьми..., 2011] «под насилием понимают применение силы, приводящее к ущербу , наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже того, что потенциально возможен» [Ениколопов С.Н., 2001] «физическое, психическое, социальное воздействие без добровольного согласия на человека со стороны другого человека, семьи, группы или государства, вынуждающим его прерывать значимую деятельность и исполнять другую, противоречащую ей » [Соколова Н.Н., 2013]	
«Социально-контекстуальный» — определения, рассматривающие насилие как форму социальных отношений, встраивающих его в социальный и культурный контекст		«насилие следует считать особым типом социальных отношений между людьми... насилие существует там, тогда и постольку, где, когда и постольку имеет место присвоение, подавление, подчинение воли субъекта, господство над ней» [Киреев Г.Н., 1990] «насилие является, прежде всего, определенным типом отношений между людьми, когда выгода, благо одних покупается ценой страдания других» [Психологическое насилие..., 2003, с. 4] «насилие — это специфические интерперсональные формы поведения родителей» [Орлов А.Б., 2000, с. 185]	[Баева И.А. и др., 2009; Егоров А.Ю., Фрейдман О.Г., 2003; Иценко М.В., 2005; Киреев Г.Н., 1990; Орлов А.Б., 2000]
Социальная нетипичность/нерегламентированность — определения, частью которых является дифференциация насилия посредством критерия «типичности», социокультурной регламентированности, той или иной практики принудительности.		«насилие — такое физическое, социально-организационное, психическое воздействие на человека, которое неправомерно (то есть не регламентировано текущими социальными практиками) понижает его нравственный (духовный), социальный (в том числе правовой) и жизненный статус, причиняет ему физические и душевные страдания, а также угроза такого воздействия» [Егоров А.Ю., Фрейдман О.Г., 2003] «умышленное противоправное общественно опасное воздействие на психику человека, осуществляемое помимо его воли либо вопреки ей» [Бархатова Е.Н., 2014, с. 8]	[Бархатова Е.Н., 2014; Киреев Г.Н., 1990; Коваленко С.В., 2011; Тхостов А.Ш., 2010; Langone M.D., 1992]

Таким образом, можно составить своеобразное синтетическое определение, где *насилие* — это:

а) тип социального взаимодействия между субъектом и объектом, каждый из которых может являться как конкретным человеком, так и

группой лиц [Rodríguez-Carballeira A. et al, 2015];

б) целью которого является снижение субъектности объекта насилия, его способности реализовывать свою волю пассивно или активно, отстаивать свои интересы и быть источником собственных психических явлений;

в) характеризующееся определенными субъективными и объективными индикаторами, отражающими процесс прерывания волевых функций объекта насилия;

г) приносящее объекту насилия урон, приводящее к неблагоприятию (физическому, социально-психологическому, экономическому).

Определение психологического насилия как феномена более частного будет производиться по ходу дальнейшего соотнесения его характерных атрибутов с атрибутами деятельности, представленными далее.

Категория деятельности и ее признаки в активности субъекта психологического насилия

А.Н. Леонтьевым деятельность определяется как «...единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире. Иными словами, деятельность — это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [Леонтьев А.Н., 1975, с. 37]. Несмотря на емкость данного определения, дополнительно мы будем пользоваться определением, представленным Б.Г. Мещеряковым и В.П. Зинченко: «деятельность — активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности» [Большой психологический словарь, 2004, с. 122]. Оно подчеркивает моменты активности, сознательности и мотивированности.

Итак, основными атрибутами деятельности (по А.Н. Леонтьеву) выступают: субъектность — деятельность осуществляется конкретным субъектом; целенаправленность/мотивированность — деятельность движима конкретными мотивами, подчиняясь их логике, даже если мотив не всегда осознан субъектом в полной мере; предметность — у деятельности есть предмет, также задающий логику взаимодействия; проактивность — деятельность не является реактивным поведением, она побуждается мотивами субъекта [Леонтьев А.Н., 1975].

Таким образом, деятельность — это целенаправленная активность, которая так или иначе

включает в себя анализ субъекта деятельности, развитие субъекта (и его деятельностей), что в целом позволяет рассматривать ее динамично — от процесса до изменения свойств.

Не менее важным является возможность структурного членения этой активности. Так, с одной стороны, разнородное поведение можно упорядочить, исходя из знания его мотива, с другой — мотив может быть отражен в некотором итоговом продукте.

Признаки деятельности в феномене психологического насилия

Предметность. В отличие от физического насилия, психологическое насилие представляет из себя более сложный феномен. Как уже было отмечено (см. табл. 1), ряд авторов сходится в том, что целью поведения субъекта насилия является снятие субъектности (т.е. способности к активному или пассивному волеизъявлению) с объекта насилия и в конечном счете навязывания ему своей воли [Ильин Е.П., 2013; Костров Г.К., 1970; Фатина М.Л., 2017].

Различие же физического и психологического насилия может состоять в том, какими методами с субъекта «снимается» его субъектность. Так, физическим воздействием ликвидируются преимущественно «внешние» условия реализации волевого акта. Например, прямая угроза целостности, физические помехи, при которых объект насилия мог бы осуществлять активное или пассивное волеизъявление. Психологическим воздействием деформируются преимущественно «внутренние» условия, которые позволяют человеку сохранять свою субъектность. Это может быть мотивационная целостность, воспринимаемая самоэффективность, позитивное самоотношение и т.д. [Филипповская Т.В., 2016]. Иными словами, при психологическом насилии основным методом воздействия является информационный, имеющий целью повлиять на «ориентировочные процессы» субъекта [Волков Е.Н., 2002; Дмитренко А.П. и др., 2019; Игнатов А.Н., 2016; Baron R.S., 2000].

Пример физического воздействия на субъектность. Для того, чтобы заставить человека что-либо делать или не делать, его физически травмируют, изолируют или иными физическими способами блокируют возможность осуществлять двигательную активность.

Пример психологического (информационного) воздействия на субъектность. Способность человека устраняют путем систематически предоставляемой негативной обратной связи о его деятельности, результатах его деятельности, понижают его, убеждают в беспомощности и некомпетентности, игнорируют его просьбы. В итоге человек теряет надежду на то, что его действия могут на что-либо повлиять, перестает верить в то, что имеет право что-либо требовать, отстаивать.

Таким образом, можно предположить, что в качестве предмета психологического насилия будут выступать субъективные характеристики объекта насилия, такие как самоотношение, самооффективность и т.д. [Баева И.А., 2013; Чермашенцева Т.Д. и др., 2014; Rodríguez-Carballeira A. et al, 2015; Saldaña O. et al, 2017], обеспечивающие пассивную или активную реализацию субъектности, волеизъявления, отстаивания своих интересов. Логика деятельности будет в этом случае задаваться необходимостью деформации данных психических структур, и, соответственно, их деформированность у объекта деятельности будет отражением наличия данного предмета.

Целенаправленность. Возникновение устойчивых изменений психических свойств у объекта насилия требует от субъекта насилия выполнение такого условия, как регулярность. Регулярность же воздействия независимо от типа воздействия может переводить один вид насилия в другой (физическое в психологическое). К примеру, для воздействия на поведение объекта насилия может быть достаточно разового физического воздействия, в то время как для блокировки «внутренних» условий может потребоваться длительное, систематическое воздействие физического или информационного типа.

Пример: систематически повторяемое избиение и невозможность противостоять этому могут привести к феномену *выученной беспомощности*, который, в свою очередь, приведет к отказу от дальнейшего сопротивления, даже когда физическая сила уже не применяется.

Именно систематичность, регулярность действий субъекта насилия, по мнению таких исследователей, как Л.Р. Аптикиева, Е.Н. Волков,

Л.М. Фатина и др. [Аптикиева Л.Р., 2020; Баева И.А. и др., 2009; Волков Е.Н., 2002; Фатина М.Л., 2017; Baron R.S., 2000; Langone M.D., 1992], является одним из значимых характеристик психологического насилия. Систематичность также лежит в основе классификации феноменов насилия Й. Галтунга, которым было предложено разделение насилия на такие виды, как: а) прямое насилие, представляющее единственный акт принуждения; б) структурное насилие, представляющее систематическое принуждение с целью насаждения отношений господства (т.е. установления таких отношений на постоянной, принимаемой объектом насилия основе) [Ениколопов С.Н., 2001].

По сути, данные виды насилия можно соотносить с физическим и психологическим насилием. Однако важно отметить, что ключевым, на наш взгляд, различием между психологическим и физическим насилием выступает именно тип воздействия, а именно психологический или информационный. Физическое воздействие — та или иная физическая блокировка волевого акта субъектом насилия, которая может привести к изменению и психических свойств в виду пересмотра уверенности в своих «силах», но это вряд ли можно назвать психологическим насилием. Скорее это будет физическим насилием с психологическими последствиями. Это можно отразить в следующей таблице (см. табл. 2).

Для воздействия на «внутренние» условия (психические свойства) объекта насилия необходимо не разовое, а систематическое воздействие. Систематичность противостоит случайности и косвенно выводит на такую характеристику психологического насилия, как *целенаправленность*.

Проактивность. Этот атрибут отражает внутреннюю детерминированность деятельности потребностями субъекта в противовес реактивности, зависимости актуализации того или иного поведения внешними, средовыми стимулами. Интуитивно трудно назвать психологическим насилием агрессивные реакции, спровоцированные только лишь внешними событиями, при отсутствии которых субъект перестанет реагировать агрессивно.

Таблица 2. Условная классификация насилия в зависимости от типа воздействия и его систематичности

Table 2. Conditional classification of violence depending on the type of impact and its systematic nature

Тип воздействия/степень систематичности	Не систематическое воздействие	Систематическое воздействие
Физическое воздействие	Физическое насилие, блокирование внешних условий реализации субъектности	Физическое (или смешанное) насилие, блокирование внешних и внутренних условий реализации субъектности
Психологическое воздействие	Акт психологической агрессии: оскорбление, обесценивание, игнорирование	Психологическое насилие, деформация внутренних условий субъектности

Пример инструментальной агрессии: уставший родитель оскорбляет или иными способами выражает агрессию ребенку, который его беспокоит, с целью изолироваться от раздражителя в лице этого ребенка. Ребенок уходит в свою комнату, и выражение агрессии прекращается.

В случае если насилие имеет место, то акты агрессии и другие действия, блокирующие/снижающие субъектность другого человека, могут продолжаться осуществляться субъектом насилия независимо от действий объекта или иных внешних условий, адекватных им [Щипанова Д.Е. и др., 2014].

Пример насилия: супруг регулярно унижает свою супругу, находя самые разные поводы для этого. Не находя таковых, он может искусственно их создавать, провоцировать. Что бы супруга ни делала, она не может предотвратить агрессию в свой адрес. Даже после развода бывший супруг продолжает преследовать супругу, чтобы лишний раз напомнить какой «плохой» она была.

Еще одним важным свойством деятельности является включенность в систему социальных отношений, ее существование в конкретной системе этих отношений. Психологическое насилие как деятельность может рассматриваться в качестве практики встроенной, порождаемой, опосредуемой конкретными социальными отношениями (господства, иерархии и т.д.), местом в обществе, которое занимает субъект деятельности, отношением к насилию [Ениколов С.Н., Цибульский Н.П., 2008; Rodríguez-Carballeira A. et al., 2015]. Иными словами, насилие является реализацией определенного отношения, типа обмена между людьми, теряющего смысл вне социального, вне анализа бо-

лее сложных систем. При этом насилие трудно причислить к классическим видам деятельности. Тем не менее, этот момент важен, т.к. позволяет расширить набор объяснительных инструментов, принципов.

Таким образом, отмеченные атрибуты насилия (систематичность, проактивность, наличие определенного мотива и предмета) позволяют говорить о возможности использования категории деятельности для описания насилия. В особенности это может касаться психологического насилия как систематического использования психологических инструментов воздействия, направленных на изменения «внутренних» или субъективных условий реализации субъектности.

Структура насилия как деятельности

Если использовать категорию деятельности как фрейм для анализа насилия, то, соответственно, можно представить насилие в рамках *структуры* деятельности [Леонтьев А.Н., 1975; Большой психологический словарь, 2004, с. 122].

Так, для реализации субъектом мотива насилия (*десубъективации* объекта насилия либо ряда мотивов, в котором десубъективация является одним из ведущих), субъект насилия может ставить ряд целей (уровень *действий*: удержание объекта насилия, социальная изоляция, снижение уровня самооффективности), которые могут быть реализованы самыми разными способами (уровень *операций*: обман, оскорбление, игнорирование, агрессия) [Rodríguez-Carballeira A. et al., 2015].

Пример анализа структуры «насильственной деятельности»: для того, чтобы «подчинить», десубъективировать партнера, Н. предпринимал действия по его удержанию в отношениях (обе-

щел счастливую жизнь; давал надежду на то, что неприятности в отношениях с ним скоро прекратятся; указывал на то, как партнер может исправиться), снижению самооценки и самоэффективности (унижал; игнорировал потребности и чувства; постоянно указывал на недостатки; сравнивал с более привлекательными людьми; саботировал рабочую деятельность партнера), изолировал от близкого социального окружения (распускал слухи, умалчивал информацию, лгал друзьям партнера, запрещал видеться с ними). Реализовав эти цели, субъект насилия добился того, что партнер стал безмолвным исполнителем желаний субъекта насилия.

Различение структурных уровней деятельности может быть потенциально важно как для дифференциации собственно «насильственной деятельности», инструментальной агрессии, реактивной агрессии, так и для возможного представления возникновения и развития мотивов насилия у субъекта насилия.

Дифференциация феноменов, связанных с насилием. А.Ш. Тхостовым была обозначена проблема дифференциации насилия и того, что происходит с психикой человека в процессе социализации, — процессом, деформирующим субъектность и осуществляемым против воли социализируемого [Тхостов А.Ш., 2010]. В качестве одного из возможных дифференцирующих свойств выступает *мотив социализации*, где подавление субъектности другого человека выступает как *действие*, подчиненное соответствующему *мотиву*.

Действия, мотивом которых выступает социализация, т.е. формирование социально значимых навыков, позволяющих в конечном счете продуктивно существовать в обществе других людей, А.Ш. Тхостов называет «усилием». Насилие же не преследует цели адаптации объекта, на которого производится воздействие, либо же происходит специфическая адаптация объекта насилия к индивидуальным потребностям субъекта насилия.

Пример усилия: для того, чтобы обучить/социализировать учеников, которые не заинтересованы в этом, педагог может реализовать действия по частичному «снятию» их субъектности, обозначая недостаточность их компетентности в том или ином вопросе, наказывая или предоставляя иную негативную обратную связь, создавая ограничения. При этом педагог

обозначает четкие требования к ученику, результатом выполнения которых является сформированный социально значимый навык/знание.

Пример насилия: такая же учебная ситуация, где учитель предоставляет противоречивые требования, к условиям к которым трудно либо невозможно адаптироваться. Обратная связь носит личный характер (связана с унижением личности учеников) и подавляет любую их самостоятельную активность. Требования к ученикам предъявляются исходя из личных потребностей учителя, не соответствующих конвенциональным целям образования и воспитания.

Таким образом, при социализации конечным продуктом выступает адаптация, осуществляемая в том числе и насильственными действиями, что можно графически изобразить так, как показано на рис. 1. Впрочем, как уже было обозначено, психологическое насилие может быть также подчинено цели своеобразной «адаптации», но не к широкому социальному контексту, а к жизни с конкретным человеком (субъектом насилия) и его потребностям. В результате это может приводить к дезадаптации в рамках более широкого социального контекста [Даренских С.С., Трунова А.А., 2020; Насилие и жестокое обращение с детьми..., 2011; Соколова Н.Н., 2013; Тхостов А.Ш., 2010; Saldaña O. et al., 2017].

Потенциальный механизм развития мотивации «десубъективации». Рассмотрение насилия как деятельности потенциально позволяет экстраполировать некоторые закономерности развития деятельности, например, «сдвиг мотива на цель» (см. рисунок). Используя данную закономерность, можно объяснить развитие «насильственных» мотивов из насильственных действий, ранее подчиненных иным мотивам.

Пример «сдвига мотива на цель»: педагог, практикующий жесткие методы установления дисциплины в классе для достижения учебных и воспитательных целей, со временем может начать получать удовлетворение от факта своей власти, возможности получать от учеников требуемые ему реакции, чувства, возможности чувствовать себя «всемогущим», особенно если ранее такой преподаватель испытывал в той или иной мере фрустрацию данных потребностей.

Ко этому можно добавить разработанный С.Л. Рубинштейном постулат о том, что деятельность является тем процессом, через который субъект не только оказывает влияние и осуществляет взаимодействие с миром, но и наоборот, в деятельности субъект меняет свое содержание, происходит его изменение [Ру-

бинштейн С.Л., 1997]. При таком рассмотрении возможного механизма развития и взаимовлияния деятельности и субъекта деятельности мы получаем возможность структурированного подхода к анализу не только насилия как продукта деятельности субъекта, но и субъекта как продукта своей деятельности.

Сравнение структуры «насильственной деятельности» и деятельности, включающей «десубъективирующие действия»

Comparison of the structure of «violent activity» and activity including «desubjectivizing actions»

Заключение

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. Рабочим определением насилия и психологического насилия как более частного феномена может быть такой вариант. Насилие — это тип социального взаимодействия между субъектом (актором насилия) и объектом (реципиентом насильственного воздействия), каждый из которых может являться как конкретным человеком, так и группой лиц, целью которого является снижение субъектности объекта насилия, т.е. его способности реализовывать свою волю, отстаивать свои интересы и быть источником собственных психических явлений. Насилие характеризуется субъективными (отсутствие добровольного согласия, принудительность) и объективными (прерывание значимой деятельности) для объекта насилия индикаторами, в итоге приносящими объекту

насилия урон (физический, социально-психологический, экономический). Инструментально психологическое насилие определяется преимущественным использованием психологических методов воздействия, их систематическим применением, ориентированностью на более долгосрочный эффект и более сложной системой применения.

2. На основании характеристик психологического насилия, выделенных различными авторами, данный феномен может быть рассмотрен как деятельность — сложная, целенаправленная, предметная, субъектная активность. Специфическим предметом насилия как деятельности можно обозначить воздействие на «внутреннее», субъективное содержание психики объекта, обеспечивающее возможность реализации волевых актов и субъектных функций, т.е. реализуется десубъективация объекта насилия.

3. Психологическое насилие можно представить в рамках структуры деятельности, актив-

ности, предполагающей невозможность сведения поведения к простой сумме поведенческих актов. Они представляют собой систему с соответствующим системообразующим фактором — мотивом. Мотив и соответствующий ему продукт деятельности могут быть рассмотрены как специфический критерий, разделяющий собственно насилие и активность, в которую акты агрессии и «насильственные действия» включены инструментально.

4. Использование категории деятельности для описания феномена насилия потенциально открывает возможность экстраполяции ряда закономерностей, присущих деятельности, а также для описания его структуры.

Список литературы

- Агеев Н.В., Усова В.В.* К вопросу о физическом и психическом насилии как способе совершения преступления // ЭПОМЕН. 2019. № 28. С. 10–15.
- Антикиева Л.Р.* Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2020. № 1(224). С. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.25198/1814-6457-224-6>
- Бадалова М.В., Бабенко М.А.* Экспериментальное исследование школьного буллинга // Гуманитарно-педагогическое образование. 2017. Т. 3, № 4. С. 5–14.
- Баева И.А.* Ресурсы психологической защищенности и факторы сопротивляемости насилию в онтогенезе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 155. С. 5–16.
- Баева И.А., Волкова Е.Н., Лактионова Е.Б.* Психологическая безопасность образовательной среды: учеб. пособие / под ред. И.А. Баевой. М.: Экон-Информ, 2009. 247 с.
- Бархатова Е.Н.* Преступления против собственности, совершаемые с применением психического насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 24 с.
- Безручко Е.В.* Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России // Уголовное право. 2014. № 5. С. 24–26.
- Бири П.* Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства / пер. с нем. Д.В. Сильверстова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. 504 с.
- Боженкова К.А., Бохан Т.Г., Терехина О.В.* Особенности субъективного качества жизни у лиц пожилого возраста с опытом переживания геронтологического насилия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 90–101. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-90-101>
- Большой психологический словарь* / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
- Волков Е.Н.* Критерии, признаки, определения и классификации вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие // Журнал практического психолога. 2002. № 6. С. 183–199.
- Волкова Е.Н.* К вопросу о разработке методологии оценки распространенности насилия над детьми // Петербургская социология сегодня. 2016. Вып. 7. С. 58–74.
- Волкова Е.Н., Исаева О.М.* Диагностика распространенности насилия и жестокого обращения среди детей. Н. Новгород: ЗАО «Нижегородская радиолоборатория». 2013. 97 с.
- Волчок В.П.* Определение и детерминанты психологического насилия // Веснік Віцебска гадзяржаўнага ўніверсітэта. 2002. № 3(25). С. 50–55.
- Грязнов А.Н., Фатина М.Л.* Склонность к психологическому насилию в образовательной среде: теоретический и эмпирический анализ определяющих факторов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24, № 2. С. 61–64.
- Гусейнов А.А.* Мораль и насилие: Понятие насилия // Этика: учебник для философских факультетов / под общ. ред. А.А. Гусейнова, Е.Л. Дубко. М.: Гардарики, 2006. С. 393–417.
- Даренских С.С., Трунова А.А.* Психологические последствия пережитого насилия // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2020. Т. 2, № 18. С. 227–233. DOI: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2020\)2.23](https://doi.org/10.14258/zosh(2020)2.23)
- Дмитренко А.П., Подгайный А.М., Супатаева Ж.Э.* Психологическое насилие в уголовном праве: проблемы определения понятия, форм и пределов наказуемости // Право и практика. 2019. № 4. С. 98–101.
- Ениколопов С.Н.* Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60–72.
- Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.* Изучение взаимосвязи легитимизации насилия и склонности к агрессивным формам поведения // Психологическая наука и образование. 2008. Т. 13, № 1. С. 90–98.

Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4(37). С. 59–65.

Ильин Е.П. Насилие как психологический феномен // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 1. С. 167–174.

Ищенко М.В. Социальные практики предотвращения домашнего насилия над женщинами: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 152 с.

Киреев Г.Н. Сущность насилия. М.: Прометей, 1990. 110 с.

Коваленко С.В. Анализ подходов к понятию насилия в современной психологической литературе // Казанская наука. 2011. № 1. С. 423–424.

Кондакова И.В. Личностные ресурсы психологической защищенности взрослых, переживших насилие в детстве: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 195 с.

Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. 150 с.

Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.89.104>

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Насилие и жестокое обращение с детьми: источники, причины, последствия, решения: учеб. пособие / под ред. Е.Н. Волковой. СПб.: Кн. дом. 2011. 384 с.

Нуцкова Е.В. Диагностическая и экспертная оценка психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении девочек // Психология и право. 2018. Т. 8, № 4. С. 75–98. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080408>

Орлов А.Б. Психологическое насилие в семье — определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи // Психолог в детском саду. 2000. № 2–3. С. 182–187.

Психологическое насилие и развитие личности: метод. пособие / под общ. ред. А.Ю. Егорова, О.Г. Фрейдмана. СПб.: СПб РО РБФ НАН, 2003. 40 с.

Райкова К.А., Ефимов А.А., Курзин Л.М., Савенкова Е.Н., Алексеев Ю.Д., Ивахина С.А. Роль проективных методов психодиагностики в выявлении случаев домашнего насилия над детьми // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2016. Т. 21, вып. 6. С. 2314–2320. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2016-21-6-2314-2320>

Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. М., 1997. 463 с.

Соколова Н.Н. Насилие. Общее психологическое представление / Сайт психологов В17.ru. 2013. 7 авг. URL: <http://www.b17.ru/article/13010> (дата обращения: 09.04.2022).

Таусинова О.К. Теоретический анализ понятия насилия в психологической литературе // Sciences of Europe. 2017. № 19(19), т. 3. С. 70–71.

Тхостов А.Ш. Психологическая многозначность понятия насилия // Национальный психологический журнал. 2010. № 2(4). С. 56–59.

Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве: Понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 418 с.

Щипанова Д.Е., Беспалова К.А., Килякова М.А. Психологическое насилие в образовательной среде как фактор социального риска // Приоритетные направления развития науки и образования. 2014. № 3(3). С. 135–136.

Фатина М.Л. К вопросу теоретического осмысления феномена психологического насилия // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 29, ч. 2. С. 39–43. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-31-08-2017-31>

Филипповская Т.В. Эмоциональное насилие и реальные субъекты власти в актуальном образовательном пространстве // Современное общество и власть. 2016. № 2(8). С. 49–54.

Хаидов С.К. Эмоциональное и психологическое насилие в семье над мужчинами // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/78PSMN620.pdf> (дата обращения: 17.04.2022).

Худик В.А., Шигаилов Д.Ю. Детерминирующие факторы виктимного поведения у детей и их клинико-психологические последствия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 5, № 1. С. 31–40.

Чеверикина Е.А., Фатина М.Л. Психологическое манипулирование, психологическое насилие, психотерроризм в образовательной среде: к вопросу об определении понятий // Матрица научного познания. 2017. № 1–2. С. 89–99.

Чермашенцева Т.Д., Кошелева Д.В., Инкин А.А. Признаки психологического насилия в семье // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 109–115.

Baron R.S. Arousal, capacity, and intense indoctrination // Personality and Social Psychology Review. 2000. Vol. 4, iss. 3. P. 238–254. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0403_3

Kimber M., McTavish J., Couturier J., Boven A., et al. Consequences of child emotional abuse, emotional neglect and exposure to intimate partner violence for eating disorders: A systematic critical review // *BMC Psychology*. 2017. Vol. 5. URL: <https://bmcpublishing.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-017-0202-3> (accessed: 25.03.2022). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40359-017-0202-3>

Langone M.D. Psychological abuse // *Cultic Studies Journal*. 1992. Vol. 9, no. 2. P. 206–218.

Rodríguez-Carballeira A., Saldaña O., Al-mendros C., Martín-Peña J., Escartín-Solanelles J., Porrúa-García C. Group psychological abuse: Taxonomy and severity of its components // *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2015. Vol. 7, no. 1. P. 31–39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2014.11.001>

Saldaña O., Rodríguez-Carballeira A., Al-mendros C., Escartín-Solanelles J. Development and validation of the Psychological Abuse Experienced in Groups Scale // *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2017. Vol. 9, no. 2. P. 57–64. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2017.01.002>

References

Ageev, N.V. and Usova, V.V. (2019). [On the issue of physical violence as a method of committing a crime]. *EPOMEN*. No. 28, pp. 10–15.

Aptikieva, L.R. (2020). [Psychological violence consequences for different age categories]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik Orenburg State University]. No. 1(224), pp. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.25198/1814-6457-224-6>

Badalova, M.V. and Babenko, M.A. (2017). [Experimental study of school bullying]. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie* [Humanitarian and Pedagogical Education]. Vol. 3, no. 4, pp. 5–14.

Baeva, I.A. (2013). [Resources of psychological security and factors of resistance to violence in ontogeny]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 155, pp. 5–16.

Baeva, I.A., Volkova, E.N. and Laktionova, E.B. (2009). *Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noy sredy: ucheb. posobie* [Psychological safety of the educational environment: textbook]. Moscow: Ekon-Inform Publ., 247 p.

Barkhatova, E.N. (2015). *Prestupleniya protiv sobstvennosti, sovershayemye s primeneniym psikhicheskogo nasiliya: avtoref. dis. ... kand. yurid.*

nauk [Crimes against property committed with the use of mental violence: Abstract of Ph.D. dissertation]. Omsk, 24 p.

Baron, R.S. (2000). Arousal, capacity, and intense indoctrination. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 4, iss. 3, pp. 238–254. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0403_3

Bezruchko, E.V. (2014). [The implementation of the term «violence» in the Russian criminal legislation]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. No. 5, pp. 24–26.

Bieri, P. (2018). *Zhiznenny vybor. O mnogoobrazii chelovecheskogo dostoinstva* [Dignity as a way of life. A treatise on the diversity of human dignity]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 504 p.

Bozhenkova, K.A., Bokhan, T.G., Teryokhina, O.V. (2018). [Subjective quality of life of senior citizens who experienced gerontological abuse]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. No. 1, pp. 90–101. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-90-101>

Chermashentseva, T.D., Kosheleva, D.V. and Inkin, A.A. (2014). [Signs of psychological violence in the family]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obschestve* [Legality and Legal Order]. No. 17, pp. 109–115.

Cheverikina, E.A. and Fatina, M.L. (2017). [Psychological manipulation, psychological violence, psychoterrorism in the educational environment: on the issue of defining concepts]. *Matritsa nauchnogo poznaniya* [Matrix of Scientific Knowledge]. No. 1–2, pp. 89–99.

Darenskikh, S.S. and Trunova, A.A. (2020). [Psychological consequences of violence]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta* [Health, Physical Culture and Sports]. Vol. 2, no. 18, pp. 227–233. DOI: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2020\)2.23](https://doi.org/10.14258/zosh(2020)2.23)

Dmitrenko, A.P., Podgaynyy, A.M. and Supataeva, Zh.E. (2019). [Psychological violence in criminal law: problems of definition of concept, forms and limits of punishability]. *Pravo i praktika* [Law and Practice]. No. 4, pp. 98–101.

Egorov, A.Yu. and Freydmann, O.G. (eds.) (2003). *Psikhologicheskoe nasilie i razvitie lichnosti* [Psychological abuse and personality development]. St. Petersburg: NAN Publ., 40 p.

Enikolopov, S.N. (2001). [The concept of aggression in modern psychology]. *Prikladnaya psikhologiya* [Applied Psychology]. No. 1, pp. 60–72.

Enikolopov, S.N. and Tsibul'skiy, N.P. (2008). [Study of the relationship between the legitimization

of violence and the tendency to aggressive forms of behavior]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 13, no. 1, pp. 90–98.

Fatina, M.L. (2017). [On the issue of theoretical understanding of the phenomenon of psychological violence]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education]. No. 29, pt. 2, pp. 39–43. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-31-08-2017-31>

Filippovskaya, T.V. (2016). [Emotional violence and real subjects of power in the current educational space]. *Sovremennoe obshchestvo i vlast'* [Modern Society and Power]. No. 2(8), pp. 49–54.

Gryaznov, A.N. and Fatina, M.L. (2018). [Tendency to psychological violence in the educational environment: theoretical and empirical analysis of determining factors]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University]. Vol. 24, no. 2, pp. 61–64.

Guseynov, A.A. (2006). *Moral' i nasilie: Popyatnie nasiliya. Etika* [Morality and violence: The concept of violence]. Moscow: Gardariki Publ., pp. 393–417.

Ignatov, A.N. (2016). [On violence, its types and their criminal-legal presentation]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of Far Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia]. No. 4(37), pp. 59–65.

Il'in, E.P. (2013). [Violence as a psychological phenomenon]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Universum: Bulletin of Herzen University]. No. 1, pp. 167–174.

Ischenko, M.V. (2005). *Sotsial'nye praktiki predotvrascheniya domashnego nasiliya nad zhenschinami: dis. ... kand. sotsiolog. nauk* [Social practices for the prevention of domestic violence against women: dissertation]. Saratov, 152 p.

Khaidov, S.K. (2020). [Emotional and psychological violence in the family against men]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. Vol. 8, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/78PSMN620.pdf> (accessed 17.04.2022).

Khudik, V.A. and Shigashov, D.Yu. (2013). [Determining factors of victim behavior in children and their clinical and psychological consequences]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 5, no. 1, pp. 31–40.

Kimber, M., McTavish, J., Couturier, J., Boven, A. et al. (2017). Consequences of child emotion-

al abuse, emotional neglect and exposure to intimate partner violence for eating disorders: A systematic critical review. *BMC Psychology*. Vol. 5. Available at: <https://bmcpublishing.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-017-0202-3> (accessed 25.03.2022). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40359-017-0202-3>

Kireev, G.N. (1990). *Suschnost' nasiliya* [The essence of violence]. Moscow: Prometey Publ., 110 p.

Kondakova, I.V. (2012). *Lichnostnyye resursy psikhologicheskoy zashchishchennosti vzroslykh, perezhivshikh nasiliye v detstve: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Personal resources of psychological security of adults who have experienced violence in childhood: dissertation]. St. Petersburg, 195 p.

Kostrov, G.K. (1970). *Ugolovno-pravovoe znachenie ugrozy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal legal significance of the threat: dissertation]. Moscow, 150 p.

Kovalenko, S.V. (2011). [Analysis of approaches to the concept of violence in modern psychological literature]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science]. No. 1, pp. 423–424.

Krukovskiy, V.E. and Mosechkin, I.N. (2017). [Nonphysical violence in criminal law: Definition and signs]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the HSE]. No. 3, pp. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.89.104>

Langone, M.D. (1992). Psychological abuse. *Cultic Studies Journal*. Vol. 9, no. 2, pp. 206–218.

Leont'ev, A.N. (1975). *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, consciousness, personality]. Moscow: Politizdat Publ., 304 p.

Mescheryakov, B. and Zinchenko, V. (eds.) (2004). *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'* [Psychology Dictionary]. St. Petersburg: Praym-EVROZNAK Publ., 672 p.

Nutskova, E.V. (2018). [Diagnostic and forensic assessment of the psychological consequences of sexual violence and abuse against girls]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. Vol. 8, no. 4, pp. 75–98. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080408>

Orlov, A.B. (2000). [Psychological violence in the family - definition, aspects, main directions of psychological assistance]. *Psikholog v detskom sadu* [Psychologist in kindergarten]. No. 2–3, pp. 182–187.

Raykova, K.A., Efimov, A.A., Kurzin, L.M., Savenkova, E.N., Alekseev, Yu.D. and Ivakhina, S.A. (2016). [The role of projective psycho diagnostics methods in identifying domestic violence cases over children]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Estestvennye i tekhnicheskie nauki* [Bulletin of the

Tambov University]. Vol. 21, iss. 6, pp. 2314–2320. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2016-21-6-2314-2320>

Rodríguez-Carballeira, A., Saldaña, O., Al-mendros, C., Martín-Peña, J., Escartín-Solanelles, J. and Porrúa-García, C. (2015). Group psychological abuse: Taxonomy and severity of its components. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. Vol. 7, no. 1, pp. 31–39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2014.11.001>

Rubinstein, S.L. (1997). *Izbrannye filosofsko-psihologicheskie trudy* [Selected philosophical and psychological works]. Moscow: Nauka Publ., 463 p.

Saldaña, O., Rodríguez-Carballeira, A., Al-mendros, C. and Escartín Solanelles, J. (2017). Development and validation of the Psychological abuse experienced in groups scale. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. Vol. 9, pp. 57–64. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2017.01.002>

Schipanova, D.E., Bepalova, K.A. and Kilyakova, M.A. (2014). [Psychological violence in the educational environment as a factor of social risk]. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya* [Priority Directions of Development of Science and Education]. No. 3(3), pp. 135–136.

Sharapov, R.D. (2006). *Nasilie v ugovnom prave: dis. ... d-ra. yurid. nauk* [Violence in criminal law: dissertation]. Yekaterinburg, 418 p.

Sokolova, N.N. (2017). *Nasilie. Obshee psikhologicheskoe predstavlenie* [Violence. General psychological presentation]. B17.ru psychologists' website, Aug. 7. Available at: <http://www.b17.ru/article/13010/> (accessed 09.04.2022).

Tausinova, O.K. (2017). [Theoretical analysis of the concept of violence in psychological literature]. *Sciences of Europe*. No. 19(19), vol. 3, pp. 70–71.

Tkhostov, A.Sh. (2010). [Psychological ambiguity of the concept of violence]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 2(4). pp. 56–59.

Volchok, V.P. (2002). [Definition and determinants of psychological violence]. *Vesnik Vitebskaya dzyarzhaynaga yuniversiteta* [Bulletin of the Vitebsk State University]. No. 3(25), pp. 50–55.

Volkov, E.N. (2002). [Criteria, signs, definitions and classifications of harmful psychological impact: psychological trauma, psychological aggression and psychological violence]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of Practical Psychology]. No. 6, pp. 183–199.

Volkova, E.N. (ed.) (2011). *Nasilie i zhestokoe obraschenie s det'mi: istochniki, prichiny, posledstviya, resheniya* [Violence and child abuse. Sources. The reasons. Effects. Decisions]. St. Petersburg: Knizhnyy Dom Publ., 384 p.

Volkova, E.N. (2016). [On the issue of developing a methodology for assessing the prevalence of violence against children]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today]. Iss. 7, pp. 58–74.

Volkova, E.N. and Isaeva, O.M. (2013). Diagnostika rasprostranennosti nasiliya i zhestokogo obrascheniya sredi detey [Diagnosis of the prevalence of violence and abuse among children]. N. Novgorod: Nizhegorodskaya radiolaboratoriya Publ., 97 p.

Об авторе

Чулошников Алексей Игоревич

медицинский психолог,
Краевой психотерапевтический центр,
614010, Пермь, ул. Героев Хасана, 20

соискатель кафедры
общей и клинической психологии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

e-mail: sintekatzy@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1891-4305>
ResearcherID: HNK-7434-2023

About the author

Alexey I. Chuloshnikov

medical psychologist,
Regional Psychotherapeutic Center,
20, Geroev Khasana st., Perm, 614010, Russia,

Candidate for a Degree of the Department
of General and Clinical Psychology,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;

e-mail: sintekatzy@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1891-4305>
ResearcherID: HNK-7434-2023